

Томас Прест
Джеймс Раймер

ВАРНИ-ВАМПИР

Книга 6

Вампир
из Засранщины

Варни-вампир

Томас Прест

Вампир из заграницы

«Остеон-Групп»

Прест Т.

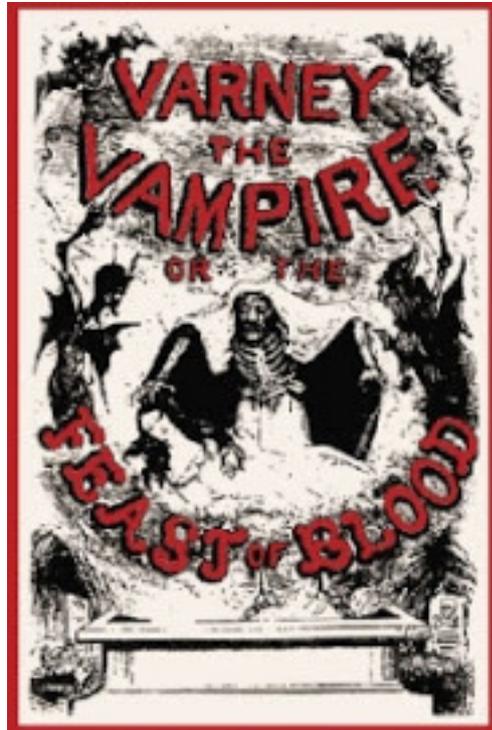
Вампир из заграницы / Т. Прест — «Остеон-Групп» ,
— (Варни-вампир)

В шестой книге про похождения необычного анти-героя, мистера Варни, читатель вновь встретится с порождением дьявола, который предстает перед нами в облике лощеного английского джентльмена. Вооруженный сознанием собственной безнаказанности и всемогущия, он творит ужас в итальянских городках. Объектом его гнусных посягательств вновь становятся юные и прекрасные девушки... Впервые появившись на прилавках роман «Варни вампир» произвел в Англии фурор едва ли не больший, чем романы Дюма, Диккенса, Бальзака и открыл дорогу несметному количеству комиксов, книгам ужасом и всему тому потоку, который мы сейчас называем «массовой литературой».

Содержание

Томас Прест, Джеймс Раймер	5
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Томас Прест, Джеймс Раймер Вампир из заграницы

Глава I

Убийство в лесу Дель Нотти. – Неаполитанская сцена.

Весь день стояла сильная жара, берег Неаполя был солнечным. Весь день не было видно ни облачка, не было ни малейшего движения воздуха, совершенно никакого ветерка. Везде было сияние золотого солнца. Море сияло как расплавленное золото. Жара была гнетущей до такой степени, что неаполитанцы не выходили из домов, апатично сидя и дремля на диванах, обмахивая себя, пытаясь вызвать хоть малейшее освежение.

Даже море было спокойным, волны лениво бились о берег, казалось, что они разделяют всеобщее утомление всей природы, всех движущихся созданий. В виллах с садами и фонтанами, которыми были усеяны окрестности Неаполя, и которые были окружены стенами, защищавшими их от вторжения незнакомцев не было видно никаких движущихся фигур.

Рядом с маленьким лесом Дель Нотти стояла одна великолепная и пышная вилла, которую отличала статность. Вилла была расположена на склоне, идущем к морю, море находилось на расстоянии в милю или две, но лес был рядом.

Сады были просторными, они примыкали к лесу, который был большее время прохладным и тенистым. Если бы и можно было найти такие вещи где-нибудь, то, определенно, именно в лесу Дель Нотти.

Деревья были высокими, они раскидывали свои ветви так широко, что ветви одного дерева переплетались с ветвями другого, поэтому, когда на них была листва, через них проходило очень мало света.

Здесь то и дело можно было находить некоторых из тех, кого одолела жара дня или кто предпочли прохладу леса стенам своих домов. Здесь можно было иногда находить людей, которые отдыхали под огромными деревьями, некоторые спали в тенистой прохладе.

Рядом со стеной виллы, где начинался лес, стояли высокие черные деревья, в основном ели и кедры. Здесь, под одним из деревьев лежал высокий сухопарый человек, который, несмотря на погоду, был завернут в плащ большого размера черного цвета.

Во внешности этого человека было что-то странное. Более того, плащ, в который он был одет, был очень необычной вещью для данной местности, его здесь не мог носить никто кроме него. Почему он его носил, никто не мог предположить, возможно это было средство маскировки, это было достаточно вероятно.

Его шляпа из мягкого фетра с широкими опущенными полями была натянута на глаза. Его лицо не было видно за воротником плаща и шляпой, он лежал неподвижно на спине и не обращал внимания ни на что, что к нему приближалось.

Это было правильно, не было никакой причины, по которой он должен был обращать внимание на то, что кто-то идет. Это место не было часто посещаемым, у него была плохая репутация, она отпугивала людей от посещения этого места.

Как бы то ни было, незнакомец лежал неподвижно и, по-видимому, ничего не боялся. Возможно это было потому, что у него был длинный обоюдоострый меч. В любом случае, он лежал здесь в тишине и почти не шевелился, за исключением движения от дыхания. Его глаза время от времени поворачивались в определенном направлении.

Часы пролетали мимо, никто не подходил, солнце стало опускаться к океану, чтобы зарыться там до завтрашнего дня. Полуденная жара спала и деревья преобразовывали солнечный свет в сумерки. Незнакомец встал и стал стоять под тенью высокого дерева. Показалось, что он начал слушать какой-то звук, идущий из определенной части леса.

Полдень прошел и появился мягкий морской бриз, который начал обдувать нагретые берега. Тут и там можно было заметить местных жителей, ходящих туда-сюда по тенистым местам.

Незнакомец слушал, он слушал звуки, идущие из места, на которое переключил свое внимание. Эти звуки производили люди, которые гуляли по сухим листьям и хворосту, что были разбросаны вокруг штормами, которые иногда посещают даже эти приятные берега.

– Она идет! – пробормотал он и его глаза стали смотреть вокруг, он схватил рукоятку своего меча. – Она идет! Но одна ли она?

Он остановился и снова стал слушать.

– Она идет не одна, с ней кто-то есть. Но не важно. Она подойдет. У меня здесь есть средство защиты. Однако в первую очередь мне нужна она.

Он снова остановился и стал слушать. Он медленно вытащил свой меч, который был длинным и острым и встал под дерево. Голоса и звуки медленно приближались, пока не стали совершенно отчетливыми и различимыми.

– Итак, – сказал мужской голос низким звуком, – маркиза чувствует себя плохо.

– Она совершенно больна.

– Я не могу сказать, что чувствую в своем сердце жалость к ней.

– Почему же вы так жестоки?

– Потому что, дорогая Фиаметта, если бы она чувствовала себя хорошо, ты вы вряд ли вышли бы сегодня этим вечером, и у меня не было бы вашей прекрасной компании.

– Я признаю это, но разве вы не эгоистичны?

– Да, несколько.

– А разве вам не стыдно говорить это?

– Нет, нет, Фиаметта. Я могу признать всё, что касается меня и вас, потому что должен признать большую заинтересованность. Я нежно люблю вас и это заставляет забыть обо всем остальном мире. Я не думаю ни о ком кроме вас, ради вас я принес бы в жертву весь мир.

– Я начинаю вас бояться.

– Почему же вы начинаете бояться меня, красавица? Разве я не готов драться и умереть за вас? Я бы не побоялся смертельных вызовов, если бы знал, что смогу спасти вас.

– Я надеюсь, – сказала Фиаметта опираясь на руку своего возлюбленного, – я надеюсь, что вам никогда не придется совершать такую печальную жертву. Я бы не испытывала счастья, если бы знала, что есть вероятность этого.

– Я не думаю, что существует вероятность подобного. Но, Фиаметта, когда вы планируете расстаться с этим рабством? Разве вы не можете оставить старую маркизу? Она не настроена добро в отношении вас, она выдаст вас за кого-нибудь из своих бедных родственников. Если вы не женитесь с ее согласия, вы никогда не получите вознаграждения за многие бессонные ночи, которые провели у ее постели.

– Но я получу вознаграждение, когда она умрет.

– Сколько еще веков ждать?

– Вы не можете испытывать недовольство от того, что она жива.

– Я не испытываю его, просто вы находитесь в заточении. Если вы оставите ее и придете ко мне, я сделаю вас счастливой. У вас будут домашнее счастье, новые знакомства и новые привязанности.

– Я не настолько устала от старой женщины, поэтому нет необходимости менять жизненные обстоятельства. Я не могу оставить маркизу. Она одинока, никто не окажет ей услугу, я ее единственный друг.

– Но она не даст вам свободу.

– Она говорит, что я слишком молода и, если вы хотите знать все, что я слишком хороша, чтобы составлять кому-то компанию.

– Я должен признать, что это достаточно верно, тем не менее я не вижу, какое отношение это имеет к нашему случаю.

– Нет, это, вы знаете, не относится к вам, это относится к мужчинам в целом. Кроме того, она говорит, что если у меня будет терпение дожидаться ее смерти, она оставит мне большое завещание.

– Честное слово, я думаю, что старая женщина хочет пожить еще несколько лет или, можно сказать, она хочет жить вечно.

– Почему вам так кажется?

– Потому что. Когда вы ждете смерти человека, вы никогда не слышите о его смерти в течение приличного времени. Это дает им новую жизнь, в них появляется стремление сопротивляться и упрямиться, поэтому они не умирают.

– Как не стыдно?

– Нет, вы поймете, Фиаметта, что мы оба посеем в ожидании счастливого момента когда вы и я станем мужем и женой. Поэтому не ждите, оставляйте ее и уходите ко мне. Мы будем счастливы и не будем обращать внимания на мир.

– Но подумайте о том, какое приданое я потеряю.

– Забудьте о нем. Такое приданое не сделает вас снова молодой, не сократит оно и заботу с вашей стороны. Вы должны понимать неопределенность вашего положения. Может случиться так, что все заслуженное вами вы не получите из-за какой-нибудь прихоти этой старой женщины. Ей может взбрести в голову настаивать на свадьбе с вашим бедным кузеном. Вы понимаете, если вы ее разочаруете, она может легко ничего вам не оставить.

– Я признаю все это. Но это не является важным, поскольку она сказала, что никогда не будет заставлять меня, она всего лишь хочет, чтобы я за него вышла. Она считает, что, поскольку он богатый человек и тот, кто будет всю жизнь обращаться со мной справедливо, мне лучше выйти за него.

– Обращаться справедливо? Какие слова! Но в этой фразе ничего не упоминается о любви. Справедливо, действительно! Я хочу относиться так ко всем, но к вам я буду относиться не просто справедливо. Я люблю вас, я буду готов отдать за вас свою жизнь.

В этот момент они приблизились к незнакомцу, который молча и неподвижно стоял с его мечом, спрятанным в плаще, но пристально наблюдал за ними, он внимательно слушал каждое слово, которое они произносили. Постепенно они подходили все ближе и ближе.

– Я думаю, будет благоразумно немного подождать. Я уверена, что бедная старая маркиза не будет жить долго. Она не может есть и пить, она делает это с очень большим трудом. Я уверена, что нам не долго ждать.

– Я готов подчиниться вашим желаниям, Фиаметта. Но было бы печально ждать сто лет. Было бы плохо, если бы пришлось ждать до нашей старости.

– Я знаю это, но...

Фиаметта закричала когда ее глаза увидели незнакомца, который выбежал и направился к ним с мечом. Это дало ее мужчине возможность защититься отпрыгнув в сторону.

– Пощады! Пощады! – закричала Фиаметта.

Ее любовник вытащил меч для защиты, сказав, после того как отразил первый укол своего врага:

– Мерзавец! Что тебе нужно? Ты пытаешься совершить ограбление или убийство? Тебя не удовлетворит ничто кроме пролития крови?

Незнакомец ничего не ответил, он яростно атаковал с большой энергичностью и большим умением. В течение двух или трех минут любовнику Фиаметты, посредством смены положения, удавалось избегать ударов меча и спасти свою жизнь.

Фиаметта, однако, была уверена, что в него попали. Она несколько раз закричала призывая прийти на помощь, но никто не пришел. Незнакомец стал атаковать еще активнее, его движения стали необычайно быстрыми, он был отчаянным и разъяренным. Однако это

открыло его для контратаки. Однако атака незнакомца была такой яростной и производилась с такой силой, что любовнику Фиаметты приходилось отступать.

– Что тебе нужно, негодяй? Говори!

Но незнакомец не говорил, он яростно бросался вперед, стараясь победить противника, что его рост и сила почти позволили ему сделать. Однако когда второй отступал, незнакомцу приходилось следовать за ним. Когда он делал это, его нога зацепилась за какой-то корень, который выступал из земли. О него он споткнулся и упал вперед. Его противник поспешил воспользоваться этим и избавил себя от такого опасного соперника. Шагнув вперед он воткнул в него свой меч.

– Хорошее избавление, – сказал любовник вытаскивая меч из тела, – своевременное избавление.

Он вытер лоб, потому что по нему на лицо тек потоком пот. День был жарким и приложенные усилия были огромными.

– О, Хосе, – воскликнула Фиаметта, – какой ужасный человек!

– Бандит, я предполагаю.

– Но он ничего не сказал, он ничего не просил.

– Нет, ему нужно было убийство. В этом нет сомнений. Но я никогда не видел таких уродливых подлецов раньше.

Когда Хосе говорил это, он сбил ногой шляпу и плащ, которые носил бандит, которые частично остались на нем. На его груди, в месте, куда Хосе вонзил свой меч, была страшная рана.

Он был очень высоким, но худым и истощенным. У него были бросающиеся в глаза черты лица. Он был лохмат, волосы упали на его лоб и лицо, которое было необычайно бледным.

– У меня еще никогда не было такого боя, я никогда не встречал такого уродливого негодяя, – сказал Хосе. – Пойдем, Фиаметта, нам не следует рассказывать об этом случае. Я сюда больше не прийду, хотя, возможно, это и излишняя мера предосторожности. Теперь этот уродливый подлец ни на кого не нападет. По крайней мере я так думаю. Пойдем.

Вытирая свой меч о плащ упавшего человека и вставляя его в ножны он взял руку Фиаметты и они ушли.

Глава II

Девушка в смятении – Легкий способ успокоить совесть – Монах

Место было заброшенным, и ни одна душа не приблизилась к нему. Но тело лежало там с жуткой раной и в пропитавшейся кровью одежде. Место было подходящим для подобной сцены – здесь было тихо, и час медленно проползал за часом, пока не начались вечерние сумерки. Свет тускнел, темнота стучалась, а мертвое тело высокого и необычно выглядящего незнакомца лежало неподвижно. Оно было холодным и обескровленным, ибо смерть уже давно лишила его последней искры жизни.

* * *

Хосе и Филаметта покинули место этого мрачного происшествия так быстро, как только смогли, и прошло немало минут, прежде чем кто-то из них заговорил – настолько их умы были заняты естественными мыслями о последствиях того странного происшествия, которое неожиданно на них свалилось.

Наконец, Филаметта нарушила молчание, сказав:

– О, Хосе, какое ужасное событие произошло!

– Действительно, оно могло закончиться гораздо хуже. Но теперь это не имеет значения. Полагаю, я его навсегда успокоил.

– Да, но ты убил человека.

– Да, моя дорогая Филаметта, я убил человека, или дьявола – не знаю, кого именно. Но тот человек убил бы меня, если бы я так не поступил.

– Да, убил бы. Но как все это ужасно.

– А раз так, то, по моему мнению, очень хорошо, что он мертв. Воистину, очень хорошо – ему сейчас спокойнее там, где он находится.

– Но все же, – возразила Филаметта, перекрестившись, – как, наверное, страшно умереть таким образом, со всеми непрощенными грехами на душе.

– А какой была бы моя судьба?

– Такой же плохой, и для меня это было бы намного хуже. Но все же мне действительно страшно подумать, что чья-то душа отправилась на небеса, не получив отпущение грехов от священника.

– Да он убил бы меня, не дав времени покаяться. Заставил бы покинуть мир, в котором я обрел такое счастье, какого никогда не знал. Мир, который я совершенно не собирался покидать.

– Воистину так, Хосе. Я тоже не собиралась покидать этот мир. А он был намного хуже готов к этому, чем даже ты, потому что он плохо кончил. У тебя ведь не было дурных намерений?

– Конечно, нет.

– И ты даже не знал, что тебе грозит опасность от него.

– Не знал, Филаметта, иначе никогда не привел бы тебя туда. И я не могу понять, что привело его туда, чего он хотел, и почему бросился на меня в такую отчаянную атаку, стремясь отнять мою жизнь.

– Все так, Хосе. Но нет ли у тебя личного врага, способного, по твоему мнению, на такое деяние? Уж наверняка на такое никто бы не решился без какого-то мотива.

– Как раз это меня больше всего озадачивает. Я не могу понять мотив. Я его не знал, у меня нет врага, который нанял бы убийцу. Но пусть он и его деяние лежат там, похороненные в забвении.

– Его не похоронили.

– Он такого не заслуживает.

– Но, дорогой Хосе, тебе не кажется, что нам следует его похоронить?

– Мы его палачи или наследники?

– Боже упаси! Но мы видели, как он умер. И не ради него, а ради человечности, не надо бросать его непогребенным, как собаку. Может, он такого и не заслуживает, но он уже ответил за все, что сделал.

– Да, я соглашусь с тем, что он уже наказан – он полностью заплатил все, что был мне должен, а я дал ему расписку на всю сумму. И он уже никогда не выставит мне других претензий – полагаю, мы с ним в полном расчете.

– А я никогда не забуду то жуткое зрелище, оно будет преследовать меня днем и ночью, и я не смогу изгнать из головы его страшное лицо. Если честно, то меня ждет печальная участь. Ах, как бы я желала, чтобы это никогда не произошло!

– Так и я тоже, дорогая Филадельфия. Но ты ведь, конечно, не станешь обвинять меня в дурном из-за того, что я, спасая свою жизнь, убил того человека. Я был вынужден это сделать – речь шла или о его жизни, или о моей. И, если честно, никогда в жизни мне еще не грозила такая опасность от одного-единственного меча. И если бы не тот счастливый случай, из-за которого он упал, то я был бы сейчас не с тобой, а на его месте.

– Слава богу за твою проворность, Хосе, но... как отвратительно вспоминать, что сейчас в лесу Дель Нотти лежит разлагающееся тело, по которому ползают мерзкие насекомые, и что это тело когда-то было живой душой, как и мы. Но, увы! Чем оно стало сейчас?

– Но, Филадельфия, твоя скорбь выглядит неуместной, ибо ты скорбишь по тому незнакомцу так, словно он был тебе близок и дорог. Ты знала его?

– Нет. – печально ответила Филадельфия.

– Тогда о чем же ты скорбишь, Филадельфия? Ответь честно. Тебе не в чем себя винить. Да и я не чувствую, что повел себя неправильно. Ответь же, что вызывает в тебе такую печаль?

– Мне тяжело думать, что тело того грешного и злобного человека лежит непогребенным, и что для облегчения его души не была прочитана месса.

– Если это все, что нужно для успокоения твоей души – хотя злодей того не заслуживает, – то я позабочусь о том, чтобы его похоронили, и над телом произнесли мессу.

– Ты правда это сделаешь, Хосе?

– Дабы облегчить свою совесть, я исполню твое желание.

– Что ж, Хосе, вот там живет святой монах. Он набожный и хороший человек. И я уверена, что он сделает все, что требуется – позаботится о теле и будет за его молиться до полуночи. И продолжит молиться, пока солнце не осветит лес.

– Да будет так, моя дорогая Филадельфия, да будет так. Мы пойдем к этому святому человеку, расскажем ему о наших заботах, и вознаградим его. А потом я отведу тебя в безопасное место и вернусь, дабы проводить его туда, где мы оставили тело. Я лишь жалею, что злодея не постигла менее благородная смерть, чем пасть от меча.

– Это будет опасность, о которой я никогда не забуду, – сказала Филадельфия.

– Я тоже. До сих пор не могу понять, почему тот человек так поступил. Но на этот вопрос может быть только один ответ – он хотел нас ограбить. Ничто иное не побудило бы его обнажить меч против меня.

– Но почему не потребовал деньги сразу?

– Потому что его могло встретить то, что он встретил. И он застал меня врасплох, а это, конечно, давало ему лучший шанс убить меня. Поэтому меня это совсем не удивляет.

– А вот и жилище святого отца. Он беден, очень беден, но я очень добр. Он святой человек.

– Тогда он еще лучше исполнит нашу просьбу. Ибо, по моему мнению, надо быть более, чем святым, чтобы отомолить от чистилища такую душу, как у убитого злодея. Наверное, она сейчас носится там в воздухе, как летучая мышь.

– Тише, Хосе, тише! Ни слова об этом. Вот хижина святого человека. Мне войти в месте с тобой?

– Если хочешь, Фиаметта, если хочешь.

Фиаметта стояла рядом с возлюбленным, когда тот стучал в дверь святого человека, и примерно через минуту низкий голос отозвался:

– Кто стучится в мою дверь?

– Тот, кто нуждается в вашей помощи, святой отец.

– Входите, – сказал монах и отодвинул засов.

Дверь открылась, и Фиаметта прошла следом за возлюбленным в келью, или, скорее, голую комнату, в которой не было ничего, кроме охапки соломы в углу или нескольких одежд. Она увидела еще лишь несколько самых необходимых предметов, но их действительно было совсем немного.

– Итак, сын мой, чего ты желаешь? Нужно ли тебе моя помощь, дабы связать тебя узами с этой девой, а ее с тобой?

– Я воистину очень сильно желаю этого, однако она этого не желает.

– Не желает! Тогда зачем ты пришел ко мне?

– Видите ли, святой отец, когда мы шли через лес Дель-Нотти, который, осмелюсь сказать, вам хорошо известен...

– Известен, сын мой.

– Так вот, я разговаривал со своей спутницей, не думая об опасности, и даже не подозревая, что она нам грозит. И тут мое внимание привлекло место справа от меня, откуда выскочил человек с обнаженным мечом, и напал на меня.

Я не успел бы даже заметить его, и уж тем более обнажить меч и защищаться, если бы не вскрик той, что шла рядом со мной. Я посмотрел туда, куда смотрела она, и увидел нападающего, поэтому успел отпрянуть назад и выхватить меч.

– Ты убил своего противника?

– Так уж получилось, святой отец, что убил. Он бросился на меня и атаковал с такой яростью, что у меня не осталось выбора. Моей жизни грозила большая опасность, и я не мог избавиться от врага или сохранить свою жизнь иначе, кроме как убив его.

– Ты убил его?

– Да.

– Еще одна душа отправилась в вечность, – мрачно произнес монах. – Сколько еще пройдет времени, прежде чем людская злоба прекратит давать такие плоды?

– Но, святой отец, я поступил законно, спасая свою жизнь. Ибо это единственный закон, который нам дала природа, и его вряд ли можно назвать злобой, ибо само небо одарило нас возможностью защищаться.

– Помолчи, сын мой, ибо ты не знаешь ничего о таких материях. Поэтому я и говорю тебе: успокойся и скажи, чего же ты хочешь от меня.

– Чтобы вы произнесли мессу за упокой его души, и похоронили его по-христиански. Я не хотел бы... мы не хотели бы, чтобы тело его осталось там где лежит. Что бы оно не было полностью заброшено или лишено похорон.

– Такие слова говорят в твою пользу, сын мой, ибо я знал многих, кто пренебрег бы этим и позволил телу божьего создания лежать и гнить, подобно собаке. Сын мой, ты поступил хорошо, я ради тебя я исполню свой долг.

– Нет, святой отец, я не могу допустить, чтобы вы сделали это, не воздав ничего церкви. Здесь, в этом кошельке, вы найдете все, что у меня есть.

– Я возьму его, сын мой, но не для себя, а для церкви, которой принадлежит все, что ей предлагают.

– И это тоже, святой отец, – сказала Филаметта, протягивая кошелечек. – возьмите это, и ради меня сделайте все, что можно сделать на земле для тех, кто покинул ее из-за внезапной смерти.

– Сделаю, дочь моя.

– А теперь, святой отец, – сказал Хосе, – если пожелаете, я готов отвести вас туда, где лежит этот человек.

– Я пойду с тобой, сын мой, – сказал монах, пряча кошельки в одежде и поднимаясь.

Они вышли из хижины, но пошли кружным путем, позволив Хосе оставить Филаметту в безопасности на вилле маркизы, где она жила, будучи ее дальней родственницей.

Хосе вел монаха до тех пор, пока не пришли на место, где был убит незнакомец. Его окровавленный труп лежал на прежнем месте.

– Вот, святой отец, тот самый подлый злодей, который заплатил за свое злодейство, а, возможно, и целую жизнь злодейства.

– Может, и так, сын мой. Вид у него такой, словно природа создавала его не в лучшем настроении. Но может быть и так, что он наложила его характер на такую внешность как предупреждение остальному человечеству.

– Скорее всего, так оно и было. Ну вы же видите, что он убит. Филаметта никогда не обретет покоя, пока над его телом всю ночь не будет молиться какой-нибудь святой человек. Вот что она от вас просит, святой отец. А теперь я оставлю вас заняться делом, прощаюсь с вами и желаю вам удачи и приятной ночи.

Глава III

Вахта возле мертвеца – Покойник оживает – Смертельная схватка и убийство монаха
Монах смотрел вслед Хосе несколько секунд, пока тот не скрылся из виду, и даже потом постоял некоторое время, уставившись ему вслед и словно погрузившись в размышления, позабыв о настоящем. Наконец он повернулся и уставился на хладный труп.

Тот лежал перед ним во всей своей отвратительности – и жуткой реальности. Шляпа с широкими полями свалилась при падении, открыв лицо мертвеца.

– Аве Мария! – пробормотал монах, перебирая четки. – Никогда еще не видел столь отталкивающее существо. Молю небеса о том, что он мог быть внутри красивее, чем снаружи, и что духовнее он был лучше, чем телесно. Хотел бы я поговорить с ним до того, как душа его отлетела, ибо меня одолевают дурные предчувствия насчет ее спасения – однако я не буду обвинять его в неизвестных грехах.

– А в этом, – пробормотал он после паузы, – воистину могло не быть необходимости, если взглянуть на его внешность и деяния – во всяком случае, единственное его деяние, о котором мне известно, под стать его внешности. Будь это иначе, я мог бы сильно усомниться в нем, но двух таких доказательств достаточно, чтобы проклясть даже лучшее человеческое существо во всем христианском мире.

Он снова помолчал, разглядывая лицо мертвеца, но явно не удовлетворился мыслью насчет успеха своей обязанности священника.

– Я охотнее помолился бы возле тела честного бедняка, – сказал он, всматриваясь в продолговатое и бледное лицо покойника, чьи свинцовые глаза, казалось, уставились на монаха. – Я куда охотнее увидел бы на его месте какой-нибудь ранний цветок, срезанный еще не распустившимся... тогда я смог бы рыдать и молиться за него. Но этот – увы! – не кто иной, как взрослое беззаконие, ибо ничем иным он быть не может.

Монах присел на ствол упавшего дерева.

– Увы, какой же я грешник, раз высказал такую мысль. Нет, я еще хуже, потому что такая мысль у меня вообще зародилась, а уж высказывать ее и вовсе было ужасно. Такая мысль отсекала бы самых достойных, вместо того, чтобы смотреть на уничтожение взрослого грешника во всей его гордости и моральном уродстве, которые развились до той степени, до какой это позволила божественная мудрость. Он наполнил свою меру зла, и господь прервал его жизнь посреди его грехов.

Монах истово перекрестился, несколько раз пробормотал «Аве, Мария» и «Отче наш», и почти час молился на скверной латыни. Потом ему пришло в голову, что он заслужил отдых от теологических трудов, а его разуму не помешает немного отдохнуть.

Монах встал и несколько минут расхаживал, погруженный в угрюмые и глубокие размышления насчет места, выбранного для подобного деяния.

Теперь новые мысли не давали ему покоя, когда он стал оценивать все возможные мотивы для деяния, которое было совершено – или была предпринята попытка его совершить, – а также выбора места для него. Но эти размышления были вызваны его пытливостью, и вряд ли могли принести какую-то пользу.

Шло время, катились час за часом, стало быстро темнеть. Казалось, над ним сгущается атмосфера, дневной свет постепенно растаял, а луны в ту ночь не было.

– Уже темно, – прошептал монах, – но господь – светоч мой, и не убоюсь я тьмы. Я занимаюсь святым делом, и мне ничто не грозит. А мертвый человек лежит тихо и неподвижно, и никаких звуков от него не доносится.

Он прислушался, но ничего не услышал – ни шелеста листьев, ни легчайшего дыхания ветерка. Все вокруг было молчаливо и неподвижно, и ни единый звук не тревожил ночную тишину.

– Это ночь смерти, – пробормотал под нос монах, – и такая ночь могла бы наступить, если бы умер последний человек на земле.

Но непонятная тяжесть в воздухе все усиливалась, гнетя монаха и заставляя его становиться все более угрюмым.

– Что не дает мне покоя? Я не настолько силен и уверен, каким хотел бы быть – как раз наоборот. Я весь в сомнениях, и печаль переполняет меня. Но с чего бы печалиться мне, священнику? Ведь я в любой момент готов умереть... или должен быть готов.

И все же я цепляюсь за жизнь... но ведь и я смертен, как все. У меня нет всех тех мотивов для жизни, как у них. Я одинок в этом мире. Я всего лишь путник, чье пребывание в нем кратко. После меня нечего будет вспомнить, и некому вспомнить меня. И лучше так, чем иначе.

Монах снова помолчал, подошел к упавшему дереву, сел на него и более чем на час погружился в глубокие размышления, не меняя позы и не произнося ни слова.

– Полагаю, – произнес через час монах, выйдя из медитации, – человек в этом мире находится в состоянии испытания. Если бы это было не так, то как иначе можно было бы объяснить его извилистый жизненный путь, каков смысл различных этапов, через которые он проходит на протяжении долгой жизни, чтобы в конце нее превратиться в гниющий труп?

Зачем мы получаем образование и совершенствуемся, если не для другой цели? Зачем тратим годы на самоусовершенствование, если в конце у нас отнимают драгоценность жизни, и не только отнимают, но и уничтожают?

Нет, нет, она дается нам для лучшего применения.

Разум монаха был, очевидно, потревожен некоторыми размышлениями, навеянными одинокими часами его вахты. В такое время все странные и пытливые мысли, которые человек способен задать, обычно зарождаются у него в голове. А когда все прочие мысли отступают, начинают преобладать странные сомнения и фантазии, занимая их место.

Разум человеческий всегда склонен к таким причудливым вторжениям, и останется таким, пока будет существовать хотя бы одно важное утверждение или обстоятельство, которое нельзя выразить позитивной и математической демонстрацией.

Когда все будет ясно, и когда разуму будет не с чем играть – не останется простора для воображения, а любая вероятность концепции исчезнет, – тогда сомнения могут рассеяться, и над такой структурой может возвыситься единодушие, которое никогда не возвысилось бы ни при каких других обстоятельствах.

Но, поскольку такое вряд ли произойдет, сомнение будет существовать, более или менее, у всех, и никто из нас не будет свободен от этой великой причины несчастий. Но вернемся к нашему повествованию.

[Предыдущие 4 абзаца – непонятная фигня, переведенная буквально. Все претензии к автору.]

Монах осмотрелся. Конечно, он не увидел ничего, кроме ближайших деревьев, а за ними он ничего разглядеть и не смог бы, потому что там сгустился плотный туман. Он ограничивал обзор и не давал разглядеть что-либо в отдалении.

– Как мне хочется, чтобы наступило утро, – пробормотал монах. – Здесь не света, луна за облаками, ни один луч не пронзает плотный воздух, насыщенный туманом. И ни звездочки на небе, ни одного видимого огонька.

Посмотрев вперед, он вроде бы нашел место, где свет луны пытался пробиться сквозь более тонкий слой облаков. Но вряд ли ему это удалось бы, и усталый монах стал перебирать четки, перемежая это чтением молитв, когда усталость наваливалась на него с новой силой.

Он ждал полуночи, хотя до утра будет еще много часов, и монах подумал, что ночи очень долгие.

– Сейчас холодно, хотя полночь еще не наступила. Наверное, из-за влаги, которой насыщен воздух, поэтому он и остывает быстрее, чем при других обстоятельствах, но для меня это не имеет значение – если мне будет суждено утратить жизнь, то я, выполняя свои обязанности священника, буду всего лишь призван домой, поэтому это не имеет значения. Я исполняю свой долг, и получу соответствующую награду.

Подул легкий бриз, и за короткое время туман рассеялся, а на горизонте не было видно ни облачка.

Монах увидел, как медленно и величественно поднимается луна, заливая лес бледным рассеянным светом. Конечно, ее прямые лучи не смогут проникнуть под деревья, пока она не поднимется на полную высоту.

– Хей! – воскликнул монах, – теперь мое бдение будет избавлено от некоторых страхов, перестанет быть таким утомительным и долгим. Но, все равно – я доволен, очень доволен. Вскоре я смогу разглядеть тело, и тогда закрою покойному глаза. Я забыл это сделать раньше, но времени еще достаточно.

И он снова начал читать «Отче наш», а когда дочитал молитву до последнего слова, то света уже хватало, чтобы ясно разглядеть тело. Тогда монах опустился рядом с ним на колени, чтобы молиться, и всмотрелся в лицо мертвеца.

– Я вижу, что его глаза сверкают злобой – и не удивительно, не удивительно, ведь он встретил такую внезапную, мучительную и насильственную смерть. Бедная грешная смертность! Какой конец он встретил... но чего еще было ему ожидать? Тот, кто живет мечом, умрет от меча.

Монах закрыл глаза мертвеца и прикрыл его тело доселе распахнутым плащом. Затем прислонился к дереву и прикрыл глаза. Но они не остались закрытыми долго, потому что какой-то странный звук отвлек его от размышлений.

– Нет, он не шевелится, – пробормотал монах.

Однако он опять встал на колени возле тела и начал читать молитвы, на несколько секунд закрыв глаза, словно у них для него не было работы, и продолжил без помех чтение молитв.

Луна к тому времени светила с полной яркостью, и лес стал выглядеть как огромное кружево, ибо лунный свет пронзал листья и ветви множества деревьев.

Этот свет, наконец-то, упал на тело мертвеца, и он медленно приподнялся, опираясь на локоть и обратившись лицом к луне. Стоящий на коленях монах продолжал молиться с закрытыми глазами.

Оживший незнакомец простонал.

Монах прервал молитву, вздрогнул и открыл глаза, которые мгновенно наполнились ужасом из-за открывшегося им зрелища, от которого он был не в силах отвести взгляд.

Фигура снова простонала, медленно садясь и одновременно поворачиваясь лицом к несчастному монаху, оцепеневшему от страха.

– Господи... господа спаси! – воскликнул монах.

Он попытался встать, но его так трясло, что он не смог этого сделать, ибо фигура не сводила с него жутких глаз. Но все же монах собрался с духом и еле слышно произнес:

– Изыди, сатана, повелеваю тебе.

Фигура не обратила на его слова внимания, зато предприняла некие зловещие действия, опустив руку на плечо монаха. Но это избавило его от оцепенения, и он вскочил, воскликнув:

– Иегова, помоги!

Фигура не ответила, но встала, не выпуская плеча монаха, и между ними завязалась смертельная схватка, длившаяся несколько минут. Монах, преисполненный отчаяния, мужественно сопротивлялся, но доставшийся ему противник был многократно сильнее его, и монах начал постепенно уступать, пока, не испустив отчаянный вскрик, не был вынужден рухнуть на колени.

В этой позе незнакомец схватил его за горло, стиснул его и упирался коленом ему в грудь, пока несчастный монах не умер.

Глава IV

Каким дьяволом может быть монах – Требование впустить в монастырь святой Марии Магдалины – Крепость и монах

Прошло несколько минут, прежде чем незнакомец, только что восставший из мертвых, разжал пальцы на горле монаха. Он крепко стискивал горло обеими руками, но при этом лицо его было обращено к луне, чьи лучи заливали его до пояса. Казалось, что лунный свет придавал ему сил с каждым вздохом.

Но каким страшным было это лицо – со смертельно-бледным лбом и жуткими на вид глазами, который словно отражали лунный свет подобно тому, как он отражается от стекла.

Несчастный монах стоял на коленях, прижатый спиной к стволу дерева, на котором он до этого сидел. Лицо его было обращено вверх, глаза едва не вылезали из орбит, а руки конвульсивно сжимали руки врага. Но силы покидали его по мере того, как враг становился сильнее. Капюшон свалился, и бритую голову монаха заливал лунный свет.

После наполненной смертью паузы фигура медленно разжала пальцы на горле монаха и отступила на шаг-другой, обозревая результат своих дел. Тело монаха осталось в той же позе, в которой он боролся за угасающую жизнь, и создавалось впечатление, будто его мускулы окаменели после смерти, но это ствол дерева оказывал ему достаточную поддержку.

– Мертв! – прошептала фигура. – Мертв!

Убийца перешел на открытое пространство, на которое беспрепятственно проникал лунный свет, и с этого места рассмотрел ужасное дело своих рук.

– Мертв... мертв! – снова прошептал он.

Это было несомненно, и все же оставалось тело монаха, и, если бы не наклоненная назад голова с устремленным вверх лицом, то легко можно было бы предположить, что умер он во время молитвы. Но все равно было очевидно, что стало причиной его смерти.

– У меня должна быть жертва, – пробормотал незнакомец. – И неужели я всегда обречен встретиться с муками смерти, чтобы ожить на таких условиях? Никогда не достичь возрождения без смертных муки, и почему? Потому что я никогда так не сумел получить добровольное согласие молодой и прекрасной девственницы? Тогда я смог бы на целый сезон избежать такой страшной альтернативы.

Некоторое время он покружил вокруг тела монаха, потом подошел и сел рядом с ним на ствол, погрузившись в размышления, но потом посмотрел на тело и сказал:

– Да, у меня есть план. Церковь предоставляла много жертв... так пусть она предоставит одну жертву мне. Церковь предоставит жертву и снабдит меня средствами для получения этого подношения. Отлично, так я и сделаю.

Он встал, еще раз обошел тело, затем приблизился к нему, явно приняв решение, и сказал:

– Я тоже стану монахом из святейшего ордена святого Франциска. Да, такое мне подойдет. Я возьму его рясу, теперь она послужит мне и легко введет в религиозный мир. Теперь я добрый монах Франциск. Моя ученость и святость велики, я широко известен, и спрос на меня велик. И воистину будет странно, если на таком дереве не окажется плода. Уверен, что я его заслужил.

Он ухватился за тело, стянул с монаха рясу и быстро в нее облачился, оставив тело лежать возле дерева. Отбросив свою одежду в сторону, он накрыл голову капюшоном и, взяв принесенный с собой посох, уже собрался уйти. Но тут ему в голову пришла внезапная мысль, он вернулся и стал обшаривать карманы монаха.

– Говорят, эти церковники никогда не путешествуют с пустыми карманами. И если у него есть золото, то оно может с равным успехом оказаться как у меня, так и у любого, кто пройдет мимо.

Он нашел два кошелька, которые дали монаху Фиаметта и Хосе, и кошелек само монаха. Кроме них нашлись письма и бумаги, который он сунул в карман, едва просмотрев.

– Они помогут мне успешно сойти за человека, которого я буду изображать. Я стану монахом. Я стану отпускать грехи и исповедовать бедные заблудшие души, и отправлять их в вечные путешествия.

Мерзкая и жуткая улыбка мелькнула на его лице, и, прихватив все, что он счел необходимым или ценным, он покинул это место.

* * *

Неподалеку от Неаполя, на небольшом расстоянии друг от друга, располагались два женских монастыря.

Одним из них был монастырь святой Марии Магдалины, а вторым монастырь святой Цецилии. Их разделяло мили полторы, или чуть больше – но это по дороге, а не по прямой линии.

Был уже поздний вечер, когда большой колокол в монастыре Марии Магдалины дал знать, что кто-то просит его впустить. Настоятельницу монастыря, женщину в возрасте, с гордым характером и немало склонную к личному комфорту, этот звон сильно раздосадовал, ибо обещал некие проблемы или неприятности.

– Так-так, – пробормотала привратница, сидевшая у очага. Она встала и подошла к воротам, разглядывая через железную решетку того, кто потревожил ее размышления и стремление к добрым делам, которым наградило ее провидение. – Ну, и что тебе нужно?

– Я бедный странствующий брат из ордена святого Франциска. Меня застигла ночная тьма, и я прошу крова и пищи.

– Друг и брат-францисканец, сейчас уже позднее того часа, когда мы открываем ворота для незнакомцев.

– Там, в Риме, совсем выжили из ума, – заявил монах, – раз для того, чтобы получить кров, нужно добраться до ворот святого дома до определенного часа. И как раз те, кому больше всего нужна крыша над головой, должны ждать на улице и помирать от холода.

– Ворота закрыты.

– Вижу.

– А ключи у аббатисы.

– И она не предоставит мне кров и пищу?

– Я не могу ее спрашивать.

– Значит, я должен буду оставаться за стенами до утра, а потом брести обратно в святой город, где я скажу, что их посланник не смог получить отдых и кров в этом монастыре.

– Ты пришел из Рима?

– Да. Так ты отказываешься передать аббатисе, что здесь недостойный брат-францисканец, который ждет, что его впустят?

Привратница не ответила, потому что была слишком возмущена, чтобы отвечать, но одновременно слишком испугана, чтобы отказать исполнить просьбу монаха, ибо говорил он повелительным тоном, указывающим, что за его заурядной внешностью стоят некие важные персоны.

Поэтому она и пришла к аббатисе, первым делом высказав ей покорность и уважение.

– Госпожа моя, – поведала привратница, – там некий монах, который просит его впустить.

– Что ж, – отказала аббатиса, – мы не можем его впустить.

– Я ему так и сказала, но вы не поверите тому, что он сказал. Мол, святому пилигриму из Рима придется провести ночь у ворот, а потом вернуться в святой город и рассказать о нашем негостеприимстве.

– Он так и сказал?

– Так и сказал.

– Тогдапусти его.

– Впустить! – удивленно вскрикнула привратница, широко распахнув глаза, и повторила: – Впустить?

– Да, сделай, чем он просит.

– Хорошо, – ответила привратница, – конечно. Все, что ваше святейшество прикажет, я исполню. Я сделаю, что вы велели.

И она вышла, чтобы выплеснуть свое раздражение наедине с собой, и одновременно не смея отвергнуть полученный приказ. Она вернулась к воротам, сняла внутреннюю перекладину, отодвинула засовы и повернула замок. Открыв ворота, она стала ждать, когда монах войдет.

– Заходи, – сказала она. – Чего стоишь – передумал заходить?

– Так я могу войти?

– А для чего я держу ворота открытыми? Для удовольствия?

– Нет, сестра. Полагаю, ты гневаешься, но если ты считаешь себя вправе злиться из-за того, что я стою у двери и причиняю тебе лишние хлопоты, то подумай о чувствах святого Петра, стоящего у райских врат, когда снова будешь стоять у ворот перед голодным и заблудшим грешником. Но все равно – мир этому дому.

– Аминь, – сказала привратница.

Тут подошла одна из монашек, посланная аббатисой, и сказала:

– Святой отец, когда вы отдохнете и поедите, наша аббатиса будет рада поговорить с вами.

– Я уже сейчас в ее распоряжении, – ответил монах.

– И вы не будете ни есть, ни отдыхать?

– Я никогда не устаю и не нуждаюсь в пище, когда меня ждет дело, хотя как-то касающееся религии.

– Но, святой отец, вашему телу нужен отдых.

– Его можно поддерживать только пищей духовной, если господь того пожелает, – возразил монах, истово перекрестившись.

– Наверное, у вас большие дары, святой отец!

– Не у меня, а у того, кто послал меня, – серьезно ответил монах.

– Тогда следуйте за мной, святой отец, и я отведу вас к аббатисе, которая будет рада поговорить с вами. Она хочет поговорить с тем, кто только что пришел из святого города, и вы можете рассказать ей новости от святого отца.

– Могу, сестра моя.

– Тогда идите сюда, – пригласила монашка и повела его к аббатисе, а монах пошел с ней рядом и вскоре скрылся с глаз тех, кто находился в привратничкей.

Глава V

Разговор отца Франциска с аббатисой – Цели и желания святого отца

Пройдя по нескольким коридорам, они вошли в комнату, похожую на гостиную, со стульями и креслами, но не остановились здесь. Сестра подошла к двери, постучала и подождала. Голос из-за двери велел ей войти, и, поманив монаха, она вошла вместе с ним в уютную комнату, где сидела аббатиса.

– Вот тот святой отец, который попросил о крове и пище, – сказала сестра. – Но он сказал, что не примет ничего, пока не сделает все, что может от него потребоваться.

– Святой отец. – сказала аббатиса, – путнику нужен отдых, а голодному человеку нужна пища. Воспользуешься ли ты нашим гостеприимством?

– Мне сказали, что вы желаете поговорить со мной, и не мог допустить, чтобы мои обязанности священника ждали, пока я буду чревоугодничать.

– Нет, брат, я не для этого послала за тобой, а чтобы услышать, какие новости ты принес из Рима, откуда, как я слышала, ты пришел.

– Да, я пришел оттуда.

– Но не подкрепишь ли ты свои силы здесь – все принесут сюда, если пожелаешь.

– Как вы распорядитесь, сестра.

– Тогда принес лучшей еды для этого доброго человека, сестра, и оставь. Я ничего не ела за ужином, и могу восполнить это сейчас. Принеси для меня кусок мясного пирога и ломоть холодной оленины.

Монашка вышла, и аббатиса открыла небольшой буфет, откуда достала бутылку и два стакана – больших, если учесть, что монастырь был женским.

– Благослови это вино, святой отец, – попросила аббатиса. – К нему не прикасались недозволенные губы, ибо это подарок от святой госпожи, дабы я пила его сами и предлагала тем, кого я сочту достойным – а ты, святой отец, как я полагаю, достоин.

Достойный монах произнес полагающееся благословение и выпил стакан прекрасного настоящего бургундского.

– Благодарю, достойная сестра, благодарю.

– Брат, я счастлива, что могу угостить тебя этим вином, ибо это доставляет мне больше удовольствия, чем тебе – пить его. Заверяю, что такое вино никогда не проходило через руки торговца, потому что тот никогда не расстался бы с ним за цену, которая сделала бы его доступным в таком месте, как это. Ибо мы, святой отец, бедны, очень бедны.

– Тогда, боюсь, живущие в этих краях люди не столь благочестивы, как им следовало быть, раз ваш монастырь испытывает нужду.

– Есть много людей благородных.

– И они должны платить щедро.

– Они так и поступают, и я им благодарна. Но мне хотелось бы предлагать бедным, больным и беспомощным людям пищу лучше той, что я предлагаю сейчас.

– Но такое должно быть в вашей власти, когда богатые и благородные живут так близко от вас. У вас должны быть богатые кающиеся грешники.

– Но лишь немногие из богатых каются, брат.

– Мне говорили, что Неаполь погряз в пороке. И я не ожидал увидеть в реальности то, что мне описывали. Но, сестра, мы должны быть благодарны за то, что имеем. И в то же время, когда нравы настолько упали, мы не должны сидеть, сложа руки, а молиться за спасение душ грешников.

– Но они отвечают лишь тем, что шлют приглашения на воскресные балы, – с великой печалью ответствовала несчастная аббатиса.

– Тогда их нужно воспитывать. И нужно бранить и распекать.

– И тогда они отвратят руки свои от благотворительности, перестанут делать для нас хоть какие-то добрые дела, и у нас не будет ни даров, ни пожертвований.

– Но для этого не нужен никакой мотив. Когда они увидят вашу искренность, то перестанут упорствовать и сопротивляться, и сами принесут то, что должны.

– Ах, святой отец, ты не знаешь неаполитанцев – мир еще не видел больших грешников, чем они.

– Понтифик должен об этом узнать. Нужно сообщить ему о характере этих скверных людей, и об этих фактах. Какая печальная ситуация, настоящий позор для христианской страны, и это необходимо исправить.

Тут вернулась монахине с едой для монаха и проголодавшейся аббатисы.

Когда все было разложено на столе, аббатиса подала монахине знак, что она здесь больше не нужна, и та вышла, оставив монаха и аббатису наслаждаться обществом друга друга наедине.

Прошло несколько минут, прежде чем они заговорили, и это время было потрачено на пережевывание самых лакомых кусочков наиболее деликатесного мяса, которое можно отведать в таком религиозном заведении, а его обычно снабжали лучшим из всего, что могло быть предоставлено.

– Святой отец, – сказала аббатиса, – эта пища скудна, но, надеюсь, она избавит тебя от того голода, который властная природа требует удовлетворить.

– Да, я полностью удовлетворен.

– Тогда позволь обратить твое внимание на эти пироги с олениной. Их испекла сестра Бригитта, а она за всю жизнь ни разу не испекла плохого пирога.

– Я решительно одобряю мастерство сестры Бригитты, – сказал монах. – Она, несомненно, достойная женщина и мастерица на кухне.

– А я никому не позволю исполнять ее обязанности, разве что в качестве епитимьи, – добавила аббатиса. – И ни за что не расстанусь с ней, пока монастырь дает ей кров.

– Совершенно правильно, сестра, совершенно правильно.

– Но каковы же новости из Рима, брат?

– Их немного, кроме той, что святой понтифик был очень болен.

– Я тоже про это слышала. И многие уже предположили, что его святейшество вознесется на небеса, если ему вскоре не станет лучше.

– Нет-нет, его святейшество в безопасности, насколько такое возможно для любого человека. Да пошлет ему господь многие лета!

– Аминь! – искренне добавила аббатиса.

– Но разве у вас нет кающихся грешников, святая сестра?

– Есть несколько, но все они исполняют назначенные епитимьи, кроме одной. Она несколько упряма, святой отец, и я не знаю, что с ней делать. У нее нет никакого уважения к тем, кто облечен властью.

– Она сестра вашего ордена?

– Нет, она неофит.

– В таком случае, как... что привело ее сюда?

– Ее прислали родственники, которые испугались бесчестия, и не дадут ей возможности обречь их семью на столь позорный брак. Прежде она соглашалась принести обет послушания, но теперь у нее появились возражения.

– И на каком основании она отказывается.

– Потому что считает, что не будет счастлива.

– Чепуха! Где она сейчас?

– Мы были вынуждены ограничить ее свободу, потому что она неоднократно пыталась сбежать. И у меня есть основания полагать, что в этих попытках ей оказывалась внешняя помощь.

– Это серьезное преступление. Очень серьезное преступление для тех, кто к этому причастен. И оно неизбежно подаст ужасный пример, если их разоблачат.

– Несомненно. И мы считаем, что обязаны приложить все усилия, чтобы наказать любого, кто сделает попытку нарушить святость нашего монастыря.

– Так и должно быть, сестра.

– Да, конечно. Поэтому я и охраняю девушку, которая, если ее образумить, сделает крупное пожертвование монастырю.

– Да, этого необходимо добиться.

– Я, конечно же, страстно желаю, святой отец, чтобы юная дева стала одной из нас. Как знать, а вдруг именно она сможет стать тем избранным сосудом, из которого проистечет немало добра?

– Такое возможно, – согласился монах. – Я пришел из Рима, и вы можете прочесть верительные документы, которые у меня с собой. Я займусь этой вашей непокорной сестрой, и наставлю ее на путь, который приведет ее к согласию с вашими мыслями.

– А пожертвование?

– Оно и тогда будет принадлежать вашему монастырю, раз оно будет ему сделано. У меня нет иных целей, сестра, кроме благополучия церкви. Я не ищу вознаграждения, кроме того, что могут дать благие слова мудрости и добра.

– Вы заслуживаете всяческих похвал, святой отец. Я и сама думала не о пожертвовании, святой отец, потому что, как вы понимаете, оно будет принадлежать не мне, а церкви, и конкретно этому монастырю, и будет использовано во благо тех бедных овец, над которыми я назначена пастырем. Поэтому у меня нет иного отношения к этому делу кроме того, какое я должна испытывать относительно духовного благополучия наших грешников.

– А у меня нет полномочий вмешиваться в нечто иное.

– Понимаю, святой отец. Вы замечательный человек. Такой, кто совершит много добра.

– Я попытаюсь совершить добро, сестра.

– А я осмелюсь сказать, что вас ждет успех, святой отец. Хотя вынуждена смиренно признать, что испробовала все для переубеждения той несчастной молодой женщины, что скорее усиливает зло, чем дает какие-либо обещания на будущее.

– Такое я мог ожидать.

– А вы пойдете другим путем?

– Возможно, но это зависит от обстоятельств. Если я сочту это необходимым, то мне может понадобиться некое надежное место, где с ней никто не сможет общаться кроме тех случаев, когда я это прикажу, или где она будет оставаться в заточении, если потребуется.

– Конечно, очень правильно.

– Кроме того, если я решу, что по отношению к ней нужны столь суровые меры, я не разрешу давать ей еду – кроме той, что ей буду давать я, или в моем присутствии, а это, разумеется, практически одно и то же.

– Именно так, святой отец.

– И я не допущу, чтобы сия святая обитель была оскорблена инакомыслием, ибо я решительно настроен на то, чтобы никакой еретик не расстраивал планы служителей религии.

– О, насколько такое неуместно! Воистину, это будет не только отягчающим обстоятельством, но и потерей для церкви, которая проклянет такого еретика.

– Несомненно, – ответил монах, – несомненно. И с вашей помощью я надеюсь приложить к этому серьезное усилие, а также стану молить небеса о помощи и поддержке.

– Я верю в это. А теперь, святой отец, скажите, как мне вас называть?

– Вы увидите из моих бумаг, что я брат Франциск из ордена святого Франциска, и недостойный брат, который, возможно, переоценив свои слабые силы, получил похвалу и благословение его святейшества папы. Он с особым удовольствием послал меня в путешествие, наделив полномочиями отчитываться перед ним и останавливаться там, где, по моему мнению, могут потребоваться мои услуги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.